

НЕДЕТСКИЕ ИСТОРИИ
Ингерманландские дети
в депортации.

Эссе, основанные на реальных событиях

И.Арт.

**Памяти
без вины виноватых**

Петербург 2025г.

Нина

Нина - ингерманландская девочка 13 лет жила матерью в небольшой деревне Ристикюля недалеко от Петергофа. Ещё в раннем детстве Петергоф произвёл на неё чарующее впечатление. Иногда по воскресеньям они с матерью на целый день выбирались туда, бродили по паркам, заходили во дворцы, всё любовались, дивились красоте. Нина мечтала стать художником и тоже создавать красоту. Весь мир казался ей таким же сказочно-прекрасным, как Петергоф.

Но мир показал Нине и своё неприглядное лицо. Разразилась Вторая мировая война. Уже в сентябре 41 года в Петергоф вошли немецкие войска. Начались тяжёлые бои, летели бомбы, горели деревни, гибли люди. Петергоф был оккупирован, разграблен. разрушен и превращён в немецкий плацдарм.

Ингерманландцев местных деревень собрали и как пленных вывезли в немецкие концентрационные лагеря Эстонии. Нина с матерью попали в концлагерь под названием Клоога. Здесь были самые зверские порядки.

Эстонцам разрешили брать на работу, подходящих им заключённых. Один хозяин взял в работники мать Нины, но без ребёнка. Нина была маленькая, слишком худая и не годилась ему в хозяйстве. Мать слёзно умоляла взять её с дочкой, хозяин и слушать не стал. Мать пыталась бежать, её поймали, избили и увезли.

Никто не хотел брать Нину. Лагерные начальники тоже не хотели держать у себя ни на что ненужный лишний рот. В конце концов её пристроили к хозяйке на мыловарню.

Нина делала все работы по дому: мыла посуду, стирала бельё, прибиралась в доме, кормила свиней, а также - варила мыло. Однажды кипящим мылом Нина ошпарила руку и ногу. Боль была нестерпимая. Никакой помощи, конечно, не оказали, и девочка

сама лечила себя. Конюх посоветовал её смазывать раны своей мочой.

Хозяйка была злющая. За малейшую провинность следовало строгое наказание. Нина ела то, что давалось собаке, ей позволяли облизывать тарелки после обеда. Объедки с хозяйского стола стали для Нины деликатесом. У неё даже не было обуви выйти на улицу.

Весь этот ужас-ужас продолжался в течение года, пока ингерманландцев не вывезли в Финляндию. Финляндское правительство, видя трагическую участь своих сородичей, решило переместить их на историческую родину. Финляндия приняла тогда около 60 000 ингерманландцев. Там мать Нины наконец-то нашла её.

О Финляндии у Нины остались светлые воспоминания. Она рассказывала: – «Нам давали хорошую еду, даже кофе. Поскольку мне было 14 лет, хозяйева не посылали меня на работу в скотный двор или на полевые работы. Я состояла при кухне помощницей».

Понемногу жизнь налаживалась. Нина ходила в школу, церковь, несколько раз ездила на поезде к родственникам, их поселили недалеко от Куопио. И вроде бы всё шло хорошо, жить можно. Но Нинино сердце навсегда осталось в родной деревне. Осталось ТАМ, где был их дом и берёзовая роща, большой камень и ручей, где была её кошка с котятами и собака Яшка. Где они теперь? Нина всё спрашивала у матери: - «Ну, когда же мы поедem домой?» Мать отвечала: - «Поедем, конечно, поедem. Надо только подождать немного».

Нина ждала.

И вот долгожданный день наступил!

По условиям Московского перемирия в сентябре 1944 года, завершившего Советско-финскую войну 1941–1944 годов, СССР требовал у Финляндии вернуть всех советских граждан, включая ингерманландцев, находившихся на её территории.

Это одно из многих условий, которые Финляндия должна была выполнить для прекращения боевых действий.

1945 год, 11 декабря. Солнечное морозное утро.
Железнодорожный вокзал в Хювинкяя. Поезд.
На перроне счастливые ингерманландцы в праздничных одеждах.
Всегда гонимый народ возвращался домой!

В вагонах мужики пили самогон, женщины пели давно забытые песни Ингрии. Их радости не было конца. Домой, домой, на родину! Нам сказали - ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ! Мы едем домой!

Однако радость и ликование кончились тотчас, как только пересекли границу. Вагоны заперли и повезли ингерманландцев неизвестно куда, мимо родных деревень, лесов и полей. Всё мимо, мимо, мимо...

Нина вспоминала: - «Нам обещали, что привезут домой, но нас везли в неизвестном направлении мимо нашей Ингерманландии. Нас обманули».

Несмотря на обещание ни одна семья не вернулась в родной край, в свою деревню. А причина была всё та же – ингерманландцев по-прежнему считали «врагами народа».

Нину с матерью «распределили» в колхоз Тверской области. Работали сначала на лесоповале, потом перевели на строительство.
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЛАСЬ!

ЛЕО

Лео был ингерманландец, из деревни Колтуши. Точнее говоря, все его родственники были родом оттуда. Лео же родился где-то в Сибири в 1940 году в вагоне эшелона с ссыльнокаторжными, следовавшего по маршруту Ленинградская область - Якутия. Правда, в советское время такие слова, как ссыльнокаторжный, каторжанин, изъяли из употребления. Ну. зачем это! Заменяли красивым словом *депортированная личность*, от латинского deportatio. А чтобы понимали не только шибко грамотные, ещё проще – **враг народа**.

Дело обстояло так. Во время Зимней войны с финнами 1939-40 гг. трёх ингерманландских девочек - родных сестёр 15-и, 17-и, 19-и лет арестовали и депортировали в Сибирь. 19-и летняя девушка была уже замужем и ждала ребёнка. Её муж, очевидно, был расстрелян, парень не хотел идти на войну. О нём не было никаких известий. Родители девушек тоже бесследно исчезли. Пришли военные из НКВД и забрали их. Куда, что? – никто не знал.

В тот год стояла лютая зима, морозы в Сибири по 40-50 градусов. Депортированных везли в товарных вагонах с нарами и печкой «буржуйкой». Дров не хватало. Скучную пищу иногда выдавали, иногда - нет. Уборной служило ведро и дырка в полу вагона. Помывка во время поездки не была предусмотрена. Лекарств и хоть какой-нибудь медицинской помощи вовсе не было. Люди умирали от голода, холода, болезней.

И вот, в этом «Поезде Смерти» ночью, в грязном углу на нарах родился младенец! Здоровый, крепкий мальчик! Разбуженный охранник матерился: – «Что за чёрт! Этого ещё тут не хватало!». Такое благословение получил новорождённый.

Мать младенца умерла родами, труп её охранник выбросил из вагона. Так всегда делали, ночью, по-тихой, умерших сбрасывали с

поезда, в вагоне для усопших не хватало места. Много их лежало в сугробах вдоль дороги. Вслед за матерью охранник намеревался вышвырнуть и ребёнка. Ну, а куда его девать-то? Он чей? Может, кому-то нужен? Находившиеся в вагоне люди молчали, понурив головы. И только девочка, младшая сестра матери младенца, как фурия, со страшным воплем бросилась на охранника, вырвала у него из рук ребёнка, прижала к груди, прорычала: - «Бросай и меня с ним! Бросай, сволочь!» Охранник оторопел, выругался, плюнул и ушёл.

Так началась жизнь Лео. Мальчика назвали Лео – лев, потому что он выжил, потому что жил вопреки всему! Лео был на попечении несовершеннолетних сестёр своей умершей матери. Молодые «тёти» Лео любили его беззаветно, он был их единственной радостью.

Лео жил у «тётей» за пазухой, там была его колыбель, безопасный и относительно тёплый дом. Еду получал изо рта «тётей», они разжёвывали хлеб и давали ему с водой, воду или снег тоже согревали во рту. На станциях «тёти» меняли что-нибудь на молоко, но у них почти ничего не было, только серёжки и крестики. Соседи по вагону помогали чем могли, у всех на руках свои голодные дети.

Лео был спокойный ребёнок, тихий. Никогда не капризничал, ел то, что ему давали, в основном спал и спал, как будто понимал, что другого способа остаться в живых нет.

Весной обессиленные, едва передвигающиеся ссыльные прибыли в Якутию на побережье Северного Ледовитого океана. Их стало меньше половины от начального количества. Они были первыми жителями здесь. Начальник лагеря держал речь, сказал: - «Теперь это ваша родина. Любите её и развивайте!» Ссыльных разместили в брезентовых палатках, возникла так называемая «Ситцевая деревня». Жить в палатках было невозможно, холод пронизывал до костей. Стали строить лачуги так, как советовали якуты. Только летом отстроили чумы-бараки и сортир. В бараки

установили нары и «буржуйки». Электричества не было, были лучины, жутко чадившие. Пространства в бараке полагалось 0,62м² на душу. Даже для гроба требуется больше места! А Лео не полагалось никакого места, так как он никогда и нигде не был зарегистрирован, **нет бумаги - нет и человека!** И вообще, он только мешал производительности труда. За это девочкам-«тётям» начальники высказали все матерные слова, какие знали, а знали они много. Но девочки были непреклонны. Житие Лео продолжалось у «тётей» за пазухой. Когда «тёти» работали, то крепко привязывали Лео к туловищу, обмотав тряпками.

В лагере наладили рыбопромысловое хозяйство. Мужчины ловили рыбу, женщины обрабатывали её. Заключённым запрещали есть выловленную для производства рыбу. Это рассматривалось как воровство у государства, за что строжайше наказывали. Якуты, грузившие мешки с рыбой на корабль, когда охранник не видел, сбрасывали мешок в воду и дети руками ловили эту рыбу, тут же её ели и прятали до вечера, чтобы отдать матерям. На засолке работающие женщины выдавливали икру прямо в рот голодной ребятне, а учётику смело говорили: - «В чём дело, начальник? Вот рыба, вот хвост, ничего не пропало. Не надо нервничать!» Так и Лео получал рыбу, икру.

Через год Лео начал ходить. Свои первые шаги он сделал по вечной мерзлоте тундры. Якут- охотник дал девочкам старых шкур, они смастерили мальчонке ладную одежду и сапожки. Якуты тайно очень помогали ссыльным, без них – хоть пропади.

Во время войны «тётей» Лео вместе с группой ингерманландцев перебросили в Красноярский край, на их место завезли давно обрусевших ссыльных немцев (не бывает свято место пусто!). В Сибирь, на Урал эвакуировали заводы, нужна была рабочая сила, вот «тётям» и сменили «место жительства». Им, считай, повезло - тайга не тундра, большое облегчение на их долю выпало!
Как говорил товарищ Сталин – «Жить стало легче, жить стало веселее!»

«Тёти» с Лео жили в бывшем тюремном бараке за колючей проволокой. В бараках было электричество и «буржуйки», но много клопов и вшей. Лео никогда не видел электрических лампочек, это забавляло его, он всё пытался поиграть с ними, обжигался, но не плакал.

«Тёти» работали, одна шила обмундирование для фронта, другая делала мины и снаряды на заводе. Пайки выдавали только при выполнении трудовой нормы, вот и старались девочки изо всех, чтобы прокормиться. Да и Лео подрастал.

Несмотря на клеймо «враги народа», местное население уважало девочек за ударный труд и честность. Жалели их мальчика, приносили орехов, ягод, сахару. Волостные начальники распорядились сдать Лео в сиротский дом, но девочки встали на дыбы. Одна из них, к тому времени уже совершеннолетняя, взяла и усыновила Лео.

Лео рос на рабочем месте «тёти-мамы» в швейной мастерской на куче тряпья. Уже в пятилетнем возрасте помогал много. Потом учился в школе и был первым учеником класса, даже получал грамоты.

Только в 50-х годах, после смерти отца всех времён и народов товарища Сталина, они вернулись в родные края, в Колтуши.

Только в 60-х годах их оправдали и восстановили в правах.

И только в 90-е годы - реабилитировали.

Лео стал архитектором. Его тёти так никогда и не вышли замуж. Они посвятили всю свою жизнь дорогому мальчику Лео.

Анника

Жила-была в Ленинграде маленькая девочка. Её звали Анника. Жила она с мамой и отцом на Васильевском острове в большом многоэтажном доме недалеко от Невы. Аннике было 5 лет, она была единственным ребёнком в семье. Отец работал на заводе, приличная зарплата позволяла матери быть домохозяйкой и посвящать всё своё время дочери. Они много гуляли, мать рассказывала про город; ходили в Летний сад, зоопарк, где слониха Бетти показывала разные фокусы. Дома было много книг, каждый вечер Аннике читали. Девочка могла говорить по-русски и по-фински, она была ингерманландкой.

Какое это было счастливое время, светлая, радостная жизнь в прекрасном городе. Но началась война. Отец сразу отправился в военкомат, хотел пойти добровольцем на фронт. Ему отказали, сказали – «ингерманландцам не положено». Отец остался работать на заводе.

8 сентября 1941 года Ленинград оказался в окружении. Начались чёрные блокадные дни - непрекращающиеся бомбёжки, страх и отчаяние, голод и холод. Особо тяжкой была первая военная зима. Не стало электричества, отопления, воду брали из Невы, Нева – под толстым слоем льда. Стояли трескучие морозы до 40 градусов. Но самое страшное – голод. Бадаевские продовольственные склады сгорели под налётом немецкой авиации. Норма выдачи хлеба по карточкам снизилась до чудовищно малого размера - 125 граммов в сутки. Съедено было всё – вороны, воробьи, кошки, собаки; суп варили из обоев, кожаных ремней. Каждый день умирали тысячи человек.

Полной чашей хлебнула горя и семья Анники. Отцу, работавшему на заводе, выдавали 200 граммов хлеба. Но всё, что получал и то, что удавалось раздобыть, он приносил домой своим любимым девочкам. К концу зимы отец так ослабел, что однажды не смог дойти до дому, упал ничком в снег и уже не смог встать. Спасибо

соседу – увидел, помог доползти до квартиры. Дома отец всё лежал, отвернувшись лицом к стене. Истощённый, он был на грани смерти. Вся тяжесть заботы о семье легла на хрупкие плечи матери. К тому же она вместе с другими женщинами дежурила на крыше дома, тушила зажигательные бомбы, выносила трупы умерших соседей, помогала пристраивать осиротевших детей в приюты, больницы. Откуда эта маленькая женщина черпала силы?

Пришла весна 1942 года. В конце марта в дверь квартиры Анники постучали. Вошли двое – военный и женщина в милицейской форме. Женщина объявила, что ввиду близости фронта им надлежит эвакуироваться.

Мать всплеснула руками: «Ох, спасибо, товарищи! Господи, какое счастье! Когда? Куда?»

- «Завтра вам надо быть на Финляндском вокзале, там обо всём расскажут».

Мать спросила: – «А когда нужно быть на вокзале? Во сколько придёт подвозка?»

- «Никакой подвозки не будет, ты же видишь какое положение в городе».

Едва дыша, мать пробормотала: «Но это невозможно... Отсюда до вокзала километров 10 будет, а мой муж не может ходить и у меня маленькая дочка. Что же делать?»

Ответил военный - коротко и ясно:

- «У вас есть 24 часа. Завтра вы должны быть на Финляндском вокзале. В противном случае вас ждут большие неприятности.

20 марта вышло правительственное постановление о незамедлительном перемещении финнов и немцев из Ленинграда вглубь страны».

Женщина-милиционер попросила паспорта, перечеркнула в них штампы с ленинградской пропиской и они ушли.

Мать бросилась к отцу, о чём-то говорили шопом, потом мать обняла отца и заплакала. Анника никогда не видела, чтобы её мама плакала.

Начались хлопоты и подготовка к поездке. Взяли с собой только самое необходимое и тёплую одежду. Мать выпросила у соседки финские сани, чтобы везти отца, достала маленькие санки Анники, собрала чемодан, завязала в одеяло весь нехитрый скарб. «Ну, вот и всё...» - сказала мать.

Утром отправились к железнодорожному вокзалу. Это был адский путь. Они шли, падали, ползли, тянули санки, ели снег, лежали на дороге и снова шли, шли, шли. Тогда Анника поняла, что значит слово **sisu**.

Ночью дотащились до вокзала. Вокзал переполнен народом, устроились на полу, дали горячего супу, если это можно было назвать супом, но дома и такого давно уже не было. Утром их уместили в битком набитый вагон поезда, поехали к Ладоге. Зимой по льду озера проложили 30-и километровую дорогу – Дорогу Жизни. По ней в Ленинград ввозили продовольствие, из Ленинграда вывозили полуживых людей. Дорогу нещадно бомбили, не все ленинградцы добирались до большой земли.

Когда стемнело, эвакуированных погрузили в грузовики, повезли к другому берегу. Ехали по льду, лёд уже начал таять, колёса - наполовину в воде. По обе стороны дороги виднелись глубокие воронки от разрывов бомб. Дул холодный ветер. Водители на Ладоге работали почти без перерыва на отдых. Измученный шофёр уснул за рулём, машина съехала в промоину. Многие попадали в ледяную воду. Старик и ребёнок не выжили. Плакали и молились тогда не только женщины! Стали ехать ещё медленнее, отца посадили рядом с шофёром. В конце концов добрались до берега на станцию Кобона. Всех разместили в церкви, обогрели, дали хлеба и горохового супа.

Потом подогнали паровоз, прицепили товарные вагоны, началась погрузка - по 100 человек в вагон. Ингерманландцы, немцы и прочие «нежелательные элементы» - отдельно. Эшелон тронулся в путь. Куда? А куда-нибудь....

В первые дни мая семья Анники прибыла в Кемерово, город в Западной Сибири. На станции находился «Распределительный пункт». Майор НКВД разъяснил им, что они являются не эвакуированными, а являются они - депортированными и **выселили их из Ленинграда как социально опасных личностей!** Отца отправили в местную тюрьму, так как он был нетрудоспособный. В тюремном бараке отец вскоре и умер. Мать сослали в принудительные работы на лесоповал. Аннику отвезли в сиротский дом. Она отбивалась, кусалась, плакала, всё кричала: – «Пустите меня домой к маме. Мама, мама, мамочка!»

Но время шло, понемногу Анника стала привыкать к своей новой жизни. Их сиротский дом был многонациональным, там содержались русские, немецкие, эстонские, польские, латышские, ингерманландские и другие дети. Со многими Анника подружилась. При сиротском доме находилась школа. Учителя были из репрессированных. Это были чудесные учителя! Так, русский язык и литературу преподавал старичок немец Карл Адамович – профессор ленинградского университета. Несмотря на суровую дисциплину, пропаганду и марши с песнями дети получили прекрасное образование.

Когда война закончилась, мать Анники разыскала её. Дочь не узнала свою мать, за 3 года та изменилась до неузнаваемости, это была измождённая, больная женщина с тяжёлым, настороженным взглядом, почти без зубов....

Мать получила разрешение иногда навещать дочь.

В 50-х годах матери с Анникой дозволили проживать в Карелии. Они переехали к родственникам в глухую, людьми и Богом забытую деревушку. Работы в колхозе было много, жизненных сил у матери совсем не было. Через 2 года она умерла.

Анника выросла, стала красивой молодой женщиной с именем Анна. Закончила Петрозаводский университет, работала учительницей. Вернуться в родной город Ленинград ей удалось только в конце 60-х годов.

